

С. СЕВЕРНЫЙ

«Вехи» и Чехов

Над авторами сборника «Вехи», вышедшего уже вторым изданием, происходит повсеместно суд — скорый, но едва ли правый, и уж, конечно, не милостивый.

«А судьи кто?»

Все. На почве суда над Струве и другими подсудимыми из преступного сообщества, именующего себя «Вехами», объединились доселе никогда еще, кажется, не объединявшиеся. Обвинительный акт разросся на две большие книги: «По вехам» и «В защиту интеллигенции» и бесчисленный ряд газетных и журнальных статей, лекций, рефератов и т. д.

Обвинение формулируется не только по существу, по имеющимся вещественным доказательствам в виде статей сборника, но в основу обвинения кладется иной раз и оценка личных поступков обвиняемых, к статьям их не относящимся. Судят не только за проступки и дела, но и за намерения и помышления.

При обилии обвинителей защитников у членов сообщества «Вехи» очень мало.

А думается, подсудимые, если б захотели, могли бы найти их немало.

Один уже из таких защитников — защитник несомненный, высокоталантливый, бесконечно честный и правдивый — у них, несомненно, имеется.

Впрочем, вернее, это не защитник, а соучастник в преступлении, повинный в глубоком и резко критическом отношении к русской интеллигенции.

Мы говорим о Чехове.

Почему никто не вспомнил о нем в процессе против «Вех»?

Разве все, что он писал и за чем единогласно признано такое огромное общественное значение, не есть вдумчивый и правый, хотя, может быть, невольный и ненамеренный суд над русской

интеллигенцией? Суд этот был суров, но справедливость его приговора никем, кажется, до сих пор не оспаривалась.

Неужели мы забыли его?

В течение всей своей деятельности Чехов всю силу своего огромного таланта, ясного ума и благородного сердца направлял на то, чтобы понять и художественно воссоздать жизнь русской интеллигенции, но это художественное воссоздание по неволе оказалось судом. В галерею чеховских типов и персонажей от знаменитого профессора («Скучная история») до бесчисленных докторов, педагогов и проч. укладывается все русское интеллигентное общество. И неужели мы забыли, какое бессилие, религиозное, общественное и просто жизненное, кроется за этими большими и средними, и малыми интеллигентными людьми? Немало писалось о чеховских людях, чеховских настроениях, о безвольных, растерявших веру, не знающих подлинной жизнедеятельности его героях. Но ведь герои Чехова — русская интеллигенция, та самая, о которой писали авторы «Вех».

Неужели после чеховской *правды* о русской интеллигенции, после того, что пережито за последние годы, все по-прежнему, по слову А. Жемчужникова:

Мы поклоняемся себе,
Как между нечистью святыне¹.

Недавно вышли из печати «Письма А. П. Чехова» (М., 1904). В одном из этих писем мы находим беспощадное слово, вырвавшееся из уст кроткого Чехова по адресу русской интеллигенции. Пусть же за него судят Чехова вместе с авторами «Вех». И, как бы ни были строги судьи, они не смеют отказать этому слову в искренности и правдивости, не посмеют увидеть за ним никаких «мотивов», которые некоторые из судей пытались увидеть за словами некоторых авторов «Вех».

Вот это слово Чехова, которое можно было бы поставить эпиграфом к «Вехам»: «Вся интеллигенция виновата, вся... пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша, и будущее России обращаются в Дым, и остаются на фильтре одни доктора дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры.

Вспомните, что Катков, Победоносцев, Вышнеградский² — это питомцы университетов, это наши профессора; отнюдь не бурбоны, а профессора, светила... Я не верю в нашу интелли-

генцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, хотя их и мало. Нетъ праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в отечестве, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все продвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д., и т. д. — все это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции и несмотря ни на что» (письмо к И. И. Орлову от 22 февраля 1899 г., с. 53—54).

Если же судить скорым судом авторов «Вех», то надо судить и Чехова, автора приведенного письма.

Но не себя ли осудят скорые судьи, осудив его?

(Слово. 1909. № 825. 13 (26) июня. С. 1—2)

